

DOI: 10.15372/HSS20200405
УДК 94(47).084.8

Р.Е. РОМАНОВ

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ПРОБЛЕМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОЧИХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (КОНЕЦ 1980-х – 2010-е гг.)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена изучению отечественной историографии проблемы стимулов труда рабочих в СССР в годы Великой Отечественной войны в контексте мировоззренческого конфликта между противниками и сторонниками «Советского проекта» в конце XX – начале XXI в. Показан переход от героико-эпической интерпретации трудового подвига советского народа-победителя к созданию трех объяснительных моделей процесса формирования мотивации труда в военное время. Сделан вывод, что «тоталитарный» и «трехфакторный» подходы соответствуют дискурсу «антисоветизма», а историко-психологический подход – «неосоветизма». Анализ историографической ситуации подтверждает авторский тезис о смысловом разломе исторической памяти в современной России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, постсоветская историография, трудовые стимулы, мотивация труда, рабочие, тоталитарная школа, история ментальностей, концепция Ч. и К. Тилли.

R.E. ROMANOV

**NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM
OF STIMULATING WORKERS' LABOR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(LATE 1980S – 2010S)**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to studying the national historiography of the problem of workers' labor incentives in the USSR during the Great Patriotic War in the context of ideological conflict between opponents and supporters of the "Soviet project" in the late XX - early XXI centuries. It shows the evolution of the methodological and source base, research subject field devoted to the desired topic analysis within framework of perestroika, post-Soviet and modern stages. The "totalitarian" approach prevailed in scientific and historical literature at the background of Marxist-Leninist canons' collapse and the archival "revolution" in the late 1980s - late 1990s. Based on sources of "critical" content, totalitarian historians sought to prove the leading role of non-economic coercion in stimulating military industry workers. At the same time, a "historical and psychological" direction was born, which tried to show the moral and motivational basis of this process.

In the late 1990s-2010s, in connection with the end of the "totalitarian" school's domination, studying incentives of workers in the rear developed along the lines of three-factor, "totalitarian" and historical-psychological approaches. Using a wide range of different sources, the followers of the concept of three factors of the labor motivation analyzed the phenomenon of "turning to compulsion" in the sphere of relations between the state-employer and employees at the war's eve and during the war. Totalitarian historians continued to investigate the coercive strategies and practices of stimulating the personnel of Soviet enterprises. Historians-mentalists reconstructed the cultural and psychological roots of nationwide labor selfless devotion in 1941-1945, which caused the high value of moral incentives to industrial activity. The author concludes that in the late 1980s-2010s Russian historiography has gone from a heroic and epic interpretation of the labor feat of the victorious Soviet people to forming three explanatory models of the stimulating labor process in the wartime. The "totalitarian" and three-factor approaches correspond to the discourse of "anti-Sovietism", while the historical and psychological approach corresponds to "neo-Sovietism". The analysis of historiographical situation confirms the author's thesis about the historical memory sense split in modern Russia.

Key words: Great Patriotic War, post-Soviet historiography, labor incentives, labor motivation, workers, totalitarian school, mentalities history, Ch. and K. Tilly concept.

Роман Евгенийевич Романов – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, email: rromanov1981@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9527-8037>

Roman E. Romanov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. под влиянием перестройки позднесоветское общество пережило смысловой разлом, приведший к распаду СССР. Суть данного явления заключалась в мировоззренческом конфликте между противниками и сторонниками «Советского проекта», получившем развитие в конце XX – начале XXI в. В современную эпоху борьба за дискредитацию «тоталитарного» (дискурс «антисоветизма») или реабилитацию «социалистического» (дискурс «неосоветизма») прошлого ведется, главным образом, в сфере массовых коммуникаций. Полем решающей битвы является Интернет, а ее участниками – веб-пользователи, находящиеся по разные стороны виртуальных баррикад. Краеугольным камнем, вокруг которого разворачивается противостояние, выступает победа СССР во Второй мировой войне. Одним из ее факторов было стимулирование труда рабочих, обеспечивавших фронт вооружением и боеприпасами. Из-за наличия антагонистических полюсов исторической памяти ответы на вопрос о стимулах тружеников тыла оказываются неизбежно связанными с противоположными оценками феномена советскости в целом. На фоне информационной глобализации, усилившей роль субъективного восприятия прошлого, возрастает значение объективной экспертизы исторического опыта. Эту функцию выполняет историография, находящаяся в центре нашего эвристического поиска. Вместе с тем, возникает вопрос о закономерном отражении тех или иных социальных позиций в сознании профессиональных историков. Предметом настоящего анализа является отечественная историография проблем стимулирования труда рабочих СССР в годы Великой Отечественной войны. Цель автора состоит в выявлении научных интерпретаций данного процесса, релевантных конфликтующим трендам общественных настроений в постсоветской России.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ

В развитии обозначенного исследовательского направления с учетом степени изученности проблематики, методологической и источниковой базы выделяются два этапа:

конец 1980-х – конец 1990-х гг.: рассмотрение трудовых стимулов военного времени в русле других «перестроечной» и постсоветской историографии (*концепция тоталитаризма vs «новая историческая наука», источники «критического» содержания*);

конец 1990-х – 2010-е гг.: изучение проблемы трудовых стимулов военного времени в рамках современной историографии (*концепция о трех факторах мотивации труда, «историко-психологическое» и «тоталитарное» направление, источниковедческий плюрализм*).

ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА 1980-х – КОНЦА 1990-х гг.

В доперестроечный период государственная политика по стимулированию труда рабочих военного времени рассматривалась исследователями как один

из аспектов социально-экономической истории советского тыла. В это время «неприступной цитаделью» исторического знания выступала марксистско-ленинская методология, в границах которой господствовал государственно-патриотический «монологический». Последний выстраивался на основе идеологически выверенных источников, отражавших картину исторического прошлого с учетом требований существовавшей цензуры. Благодаря таким практикам официальная историография осуществляла конструирование нового героического эпоса в реалиях XX в. Его первооснову составлял патриотический образ советского народа-победителя, созданный пропагандой в годы Великой Отечественной войны. Этот образ являлся эталонным образцом для характеристики и оценки стимулов подвига тружеников тыла не только в послевоенной публицистике, но и в научных исследованиях, опубликованных до конца 1980-х гг.

«Перестроечные» процессы вызвали обрушение марксизма-ленинизма и его государственно-патриотической интерпретации исторического прошлого. Образовавшийся методологический «вакуум» заполнялся концепциями, заимствованными исследователями из западного гуманитарного знания. Прежде всего, речь идет о перенесении в пространство отечественной исторической науки теории тоталитаризма. «Тоталитарный» подход быстро занял в ней лидирующее положение в силу своей опоры на либерально-демократический «монологический» антисталинизма. Этот тренд органично соединился с «архивной революцией», сопровождавшейся массовым рассекречиванием и введением в научный оборот источников «критического» содержания, что позволило осуществить слом советского героико-эпического мифа. На смену ему пришел трагический культ жертв сталинских репрессий, оказавший существенное влияние на проблемный и оценочный векторы в изучении трудовых стимулов работников тыла. Одной из оппозиционных альтернатив этому дискурсу выступило «историко-психологическое» направление, зародившееся под интеллектуальным воздействием научно-исторической школы «Анналов» и обеспечившее объективную ревизию как марксистско-ленинского, так и тоталитарного подходов к изучению искомой проблематики.

В «перестроечной» историографии механизмы стимулирования рабочих в предвоенное и военное время реконструировались в трудах по истории советского тыла [1], социальной политике государства [2], идеолого-пропагандистской работе [3], развитию промышленности [4], трудовому законодательству [5]. Начальный период перестройки не внес кардинальных изменений в историографию, где сохранялась инерция воспроизводства государственно-патриотического монологического. Положение стало меняться с конца 1987 г., когда прозвучал и вышел в свет доклад М.С. Горбачева «Октябрь и перестройка», приуроченный к 70-летию Октябрьской революции. На фоне привычной идеологической риторики в нем появились новые оценки исторического прошлого, свя-

занные с использованием термина «административно-командная система». Последняя отождествлялась с бюрократизмом, культом личности, произволом, репрессиями сталинского руководства, на которое возлагалась историческая вина за ошибки и преступления. Критика «сталинизма» способствовала распространению в исторической науке и общественном сознании либерально-демократического нарратива. Данный феномен конструировался на основе понятия «тоталитаризм», использовавшегося в академических дискуссиях, официальной печати и быстро проникавшего в повседневную жизнь.

Несмотря на новые тенденции, вплоть до запрета КПСС, исследователи не могли полностью отказаться от устоявшейся в научной литературе парадигмы советского патриотизма. Сложившаяся диалектика «партийно-народного» и «командно-административного» начал социализма обуславливала своеобразие подходов и выводов авторов, опиравшихся еще в основном на традиционную источниковую базу. Вместе с тем стремительно надвигавшаяся «смена веков» сопровождалась расширением круга источников личного происхождения (воспоминания, мемуары, дневники), введением в научный оборот новых материалов периодики (журнальные издания советской юстиции) и архивных документов, свидетельствующих о тяготах и лишениях трудящихся в 1940-е гг.

Ситуация раздвоения дискурсивного поля привела к формированию среди историков более неоднозначных, чем в предыдущий период, взглядов на проблему стимулов труда военного времени. Впервые в историографии советского тыла был поставлен вопрос о сочетании и соотношении принуждения и побуждения как мотивационных факторов производственной деятельности. Ее принудительный компонент реконструировался в контексте принятия и применения законодательных актов об ужесточении дисциплинарного режима на предприятиях и трудовой мобилизации, характеризовавшихся в качестве малоэффективных методов внешнего, административного воздействия на работников. Отмечалось, что крен в сторону командно-мобилизационных методов управления на рубеже 1930-х – 1940-х гг., особенно после нападения Германии на СССР, постепенно сменился на преимущественное использование руководителями военного производства рычагов материального и морального стимулирования персонала. В качестве побудительного аспекта данного процесса рассматривалась идеологическая работа партии в сфере оказания помощи трудовому фронту, которая включала средства словесной и наглядной агитации, направленной на рост производительности труда и удешевление продукции, рационализацию технологий, подъем соцсоревнования. Однако акцент делался не только на реальные достижения пропаганды (мобилизация рабочих в суровых жизненных условиях), но и на ее объективные и субъективные недостатки (отсутствие контроля за деятельностью агитколлективов, кампанейщина, подмена воспитательных методов администрированием,

равнодушие партийных руководителей к материально-бытовым проблемам тружеников).

Наряду с этим осуществлялся критический анализ политики советского государства по обеспечению жизненного уровня населения. С одной стороны, подчеркивались распространение стимулирующих форм оплаты труда, прямая связь дифференцированного снабжения и коммерческой торговли с материальным поощрением, развитие сферы социального обслуживания. С другой стороны, выявлялись негативные явления, снижавшие эффект от применения сельщины, прогрессивки и премирования (нерешенные проблемы технического нормирования), дополнительного питания (злоупотребления и слабый контроль в сфере распределения, обострение дефицита продовольствия). Важным являлся также вывод об ослаблении роли заработной платы как механизма повышения экономической заинтересованности работников в связи с введением карточек. В целом научно-исторические представления о трудовых стимулах, действовавших в первой половине 1940-х гг., отличались сбалансированностью позитивных и негативных оценок, что свидетельствовало об отказе от предыдущей историографической традиции, канонизировавшей «парадный блеск» героического эпоса. В начале 1990-х гг. отретушированные «бастионы» историографии советского тыла очень быстро пали под лавинообразным натиском либерализации общественного сознания, завершившейся распадом СССР и вступлением российского социума в эру поиска новых ответов на вопросы отечественной истории XX в.

В *постсоветской историографии* тема стимулирования промышленного персонала в годы войны освещалась в работах по истории принудительного труда [6], государственной мобилизационной политики [7], чрезвычайных органов власти [8], массовых настроений советского общества [9, 10]. При этом господство «тоталитарного» дискурса в научно-академическом и медийно-информационном пространстве продолжалось благодаря использованию при интерпретации советской истории понятий «сталинизм», «сталинский режим», «сталинский социализм» и других, отождествлявшихся с отечественной версией «тоталитаризма». В рамках данного подхода произошло «соединение» правившей в СССР партии с командно-административной системой, которая характеризовалась как механизм насильственной мобилизации общества.

Одновременно в связи с укреплением идеологического и методологического плюрализма в сфере исторического знания зарождалось «историко-психологическое» направление, ориентированное на изучение культурно-ментальных особенностей человека в годы Второй мировой войны (ключевые понятия – ментальность и массовое сознание). Становление и развитие новых трендов исторической мысли происходило в условиях доступа исследователей к ранее закрытым документальным фондам чрезвычайных властных и правоохранительных органов, спецслужб, оборон-

ного комплекса и т.д. Характер расширения и обновления источниковой базы зависел от того или иного вектора научного поиска, нацеленного на пересмотр предыдущих историографических позиций. При разработке проблем военного периода последователи «тоталитарной школы» опирались на рассекреченные директивные и делопроизводственные документы Государственного Комитета Обороны, Совета по эвакуации, Комитета по учету и распределению рабочей силы, НКВД, ГУЛАГа, военно-промышленных наркоматов, городских комитетов обороны, центрального и регионального партаппарата, исполкомов Советов. Странники «историко-психологического» направления задействовали в основном документальные материалы госучреждений, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций с анонимными вопросами, высказываниями и суждениями граждан, а также периодики и воспоминания.

При изучении стимулов труда военного времени в рамках «тоталитарного» подхода (В.Н. Данилов, В.Н. Земсков, П.Н. Кнышевский, А.В. Шалак) акцент делался на анализе рычагов внеэкономического принуждения рабочих со стороны советского государства. Внимание уделялось выяснению роли НКВД и ГУЛАГа в сооружении индустриальных объектов, обеспечении оборонных предприятий и строек рабочей силой, выпуске отдельных видов боеприпасов. Реконструировались формы и методы мобилизации трудовых ресурсов, проводившейся на основе указов Президиума Верховного Совета СССР (далее ПВС СССР) и директив ГКО, которые способствовали применению уголовно-репрессивных мер в сфере производственных отношений, привлечению пенитенциарных контингентов к выпуску продукции для фронта. Отмечалось, что чрезвычайные органы власти использовали, прежде всего, административно-карательные практики, а способы разъяснения и поощрения имели второстепенное значение. В целом же сталинский режим проводил политику «кнута и пряника» с регулируемой системой выживаемости населения, базировавшейся на денежном и продовольственном вознаграждении за трудовую деятельность. Странники концепции тоталитаризма осуществили переоценку государственной стимулирующей политики первой половины 1940-х гг. на основе подробного изучения ее насильственно-принудительных элементов, что привело к кардинальной ревизии марксистско-ленинской картины исторического прошлого.

В русле «историко-психологического» подхода (Н.Д. Козлов, Ю.А. Поляков) на первый план вышла проблема поиска ментальных истоков народного подвига военной поры. К ним исследователи относили осознание гражданами СССР угрозы государственной катастрофы в случае военного поражения, легитимности господствующего социально-политического строя, необходимости защиты его экономических и социальных достижений, справедливость и уважение к людям труда, гибкое и органичное сочетание интернационализма и национальной идеи, революционной

традиции и государственного патриотизма, ненависть и презрение к немецко-фашистским оккупантам. Главным фактором Победы на фронте и в тылу стала мобилизация морального духа и самосознания народа за счет возрождения властью общечеловеческих и национально-исторических ценностей, культурных традиций и моральных норм, отказа власти от деления социума на «своих» и «чужих», нравственного неприятия идеологии и практики захватчиков, отступления от жестких принципов сталинизма. По мнению авторов, несмотря на трагическое наследие сталинских репрессий, всеобщее стремление к разгрому врага обуславливало преобладание конструктивной коммуникации между государством и обществом, позитивно влиявшей на мотивацию тружеников периода «грозовых сороковых».

Таким образом, представители «историко-психологического» направления переосмыслили феномен массового подвижничества за счет реконструкции его побудительной основы «снизу», обусловившей пересмотр как марксистско-ленинского, так «тоталитарного» взгляда на историю Великой Отечественной войны. Ревизионистское отношение к полярным историографическим традициям позволило оптимизировать критику исторического опыта мотивационной политики советского государства в 1941–1945 гг. Этот вектор в значительной мере определил перспективы исследования данной темы в современной отечественной историографии.

ИСТОРИОГРАФИЯ КОНЦА 1990-х – 2010-х гг.

На современном этапе началось самостоятельное изучение проблем формирования и развития государственных стимулирующих стратегий в сфере трудовых отношений военного времени. Сущность нового периода заключается в отказе от попыток конструирования тех или иных мононарративов, в появлении в сфере гуманитарного знания множества «объясняющих рассказов», отличающихся полидискурсивностью. Результатом данных процессов стало окончательное торжество проблемного и методологического плюрализма в российской исторической науке. В условиях падения популярности либерального взгляда на прошлое широкое распространение получили народно-патриотический нарратив и ментальный дискурс, возникший вследствие влияния на отечественную интеллектуальную «почву» концептуальных идей научно-исторической школы «Анналов» (история ментальностей). Одновременно в рамках указанной тематики область научных изысканий наполнялась новейшими междисциплинарными работами, заимствованными отечественными авторами из исследовательских практик западных коллег. Особую популярность среди специалистов по истории и психологии индустриального труда приобрела концепция о трех мотивационных факторах (вознаграждение, побуждение и принуждение) американских историков и социологов Ч. и К. Тилли. В русле господствовавших историографических «трендов»

исследователи использовали обширный круг документальных и нарративных источников, обладавших весьма разнородным информационным содержанием. В целом охарактеризованные тенденции способствовали формированию неоднозначных и противоречивых оценок исторического опыта стимулирования рабочих в годы Великой Отечественной войны.

В «миллениальной» историографии¹ побудительные механизмы занятости в тыловых районах России рассматривались исследователями в контексте комплексного изучения истории чрезвычайных органов власти [11], народного менталитета [12], обыденного сознания [13], поведенческих мотивов людей [14], стимулирования [15] и факторов мотивации труда [16, 17]. С началом XXI в. тоталитарный подход утратил господствующее положение в отечественной исторической науке. В ней под влиянием идей научной школы «Анналов» усилилось развитие «историко-психологического» направления. Важной вехой в становлении междисциплинарных исследований в области социальной истории стала реализация на базе концепции Ч. и К. Тилли российско-голландского проекта «Эволюция мотивации труда в российской промышленности, 1861–2000 гг.» (1999–2002). Его осуществление позволило установить влияние трех факторов – вознаграждения, побуждения и принуждения – на отношение работников к производственной деятельности. В научный оборот вводились массивы архивных документов, обеспечивших выявление закономерностей и особенностей этих процессов на уровне макро- и микроистории советского тыла.

В рамках концепции Ч. и К. Тилли историки (А.М. Маркевич, А.К. Соколов, С.И. Тогоева) занимались изучением «поворота к принуждению», произошедшего в СССР накануне и в годы войны. С их точки зрения, этот процесс заключался в законодательном ужесточении карательных мер за нарушение дисциплины и порядка на предприятиях. Были проанализированы характер и масштабы применения указов ПВС СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. Подчеркивалось, что уголовные репрессии дополнялись материальными и моральными стимулами: повышением зарплаты и приоритетным снабжением тружеников оборонной индустрии, попытками решения жилищной проблемы, карточной системой, соцсоревнованием, огородничеством движением, организацией отдыха, правительственными наградами. Но из-за ограниченности ресурсов власть больше склонялась к тому, чтобы заставить людей работать под угрозой наказания. В результате интересы государства и работников зачастую не совпадали, что приводило к неэффективности насилия как средства, призванного стимулировать добросовестный труд. Одновременно в научно-исторической

¹ Термин «миллениальная историография» понимается как совокупность исследований по проблемам стимулирования рабочих военного времени, опубликованных в конце 1990-х – конце 2000-х гг. Начало самостоятельного изучения темы трудовых стимулов в российской исторической науке пришлось как раз на рубеж второго и третьего тысячелетий.

литературе присутствовали менее категоричные оценки (В.А. Сомов), согласно которым административно-правовые (включая репрессивные) методы воздействия на рабочих являлись частью более вариативной системы, в которой в равной степени сочетались разнообразные формы вознаграждения, побуждения и принуждения.

В русле «тоталитарной школы» историки (В.Н. Данилов) по-прежнему уделяли основное внимание теме принудительно-репрессивной мобилизации в условиях функционирования командно-административной экономики в первой половине 1940-х гг. Реконструировались практики всеобщей трудовой повинности гражданского населения и применения подневольного труда спецконтингентов. В целом государственная стратегия формирования мотивации к производственной деятельности, как и на предыдущем этапе, оценивалась в духе политики «кнута и пряника» с регулируемой системой выживания.

В контексте «историко-психологического» подхода исследователи (М.В. Адриенко, В.Ф. Зима, Н.Д. Козлов) разрабатывали проблему побудительных мотивов всенародного подвига в 1941–1945 гг.: среди них выделялись преимущественно крестьянский менталитет населения; осознание нависшей военной угрозы; убежденность в безальтернативности борьбы против захватчиков; восприятие большинством населения власти как силы, способной защитить страну от захвата и порабощения; национальные и общечеловеческие ценности; вера в идеи социального справедливости, равенства и созидания; готовность идти на материальные жертвы; социальный оптимизм; сочетание патриотизма и интернационализма; наличие социальных гарантий; социалистическая идеология и массовая пропаганда. К социокультурным демотиваторам относились проявления антисоветизма, рост религиозных настроений, психологические шоки и травмы, связанные с начальным периодом войны и преодоленные в короткий срок после достижения коренного перелома на советско-германском фронте. С точки зрения исследователей, в военные годы произошло временное сближение интересов власти и общества. Данный процесс способствовал налаживанию устойчивой коммуникации между ними в сфере социально-трудовых отношений, строившихся в основном на согласии между государством-работодателем и работниками. В целом эти оценки получили перспективное развитие при дальнейшем изучении указанной проблематики.

В «новейшей» историографии² избранной темы началось комплексное исследование мотивационных установок гражданского населения в прифронтовых регионах России [18]. Эти вопросы разрабатывались также в контексте истории первого советского поколения [19], репрессивной политики «сталиниз-

² Термин «новейшая историография» понимается как совокупность исследований по проблемам стимулирования рабочих военного времени, опубликованных в конце 2000-х – 2010-х гг. Начало этого этапа совпадает с выходом первой фундаментальной научной работы по теме трудовых стимулов и мотиваций в годы Великой Отечественной войны.

ма» [20], становления системы трудовой мотивации на советских предприятиях [21]. С конца 2000-х гг. изучение отношения к труду в военное время происходило за счет синтеза локально-исторического подхода и историко-психологических реконструкций на основе партийно-государственной документации, материалов периодической печати, радиоцензуры, наглядной пропаганды, речей И.В. Сталина, «писем во власть» и дневников. В меньшей степени эта проблематика разрабатывалась в русле тоталитарной школы с опорой на законодательство о трудовой дисциплине, на документы органов юстиции и НКВД, областных парторганизаций. В рамках концепции Ч. и К. Тилли продолжался анализ системы трудовой мотивации на уровне микроистории заводских коллективов. Упомянутая концепция применялась при интерпретации директив государственной власти, отраслевых ведомств, региональных партийных комитетов, распоряжений руководства предприятий, а также газетной периодики.

В русле «историко-психологического» подхода историки (В.А. Сомов) сделали акцент на характеристике внеэкономических факторов мотивации труда в 1941–1945 гг. Среди них были выделены советское трудовое законодательство, политический и информационно-идеологический контроль, распространение слухов и информации религиозного содержания, письма с фронта, эмоция-шок и внешняя угроза, коллективная ответственность и чувство долга, восприятие образа И.В. Сталина. В результате воздействия совокупности выявленных конкретно-исторических условий выделены три формы поведения работников в сфере общественного производства – активно конструктивное (искреннее желание трудиться), активно деструктивное (явный отказ или призыв к отказу от работы) и пассивное (неактивный труд). Главный вывод состоял в том, что власть сумела актуализировать в массовом сознании населения установки на необходимость интенсивного труда ради победы в войне, обусловленные не материальным вознаграждением или принуждением, а нравственными поведенческими императивами. Важную роль в становлении этих императивов сыграла система воспитания молодежи 1930-х гг., заложившая в будущих тружениках тыла коллективистскую психологию, ядром которой было представление о моральном долге.

В рамках «тоталитарного направления» (С.А. Папков) основной акцент делался на выявление роли репрессивной политики «сталинизма» в эволюции социально-трудовых отношений накануне и в годы войны. Показана поэтапная замена экономических стимулов системой административно-уголовных наказаний в ведущих отраслях военной экономики глубокого тыла. Механизмами расширения сферы принуждения стали указы ПВС СССР от 26 июня 1940, 26 декабря 1941 и 13 февраля 1942 г., направленные на мобилизацию и закрепощение рабочей силы на производстве. Несмотря на широкомасштабное применение этих нормативно-правовых актов, отрицательная оценка их ре-

зультативности в плане укрепления производственной дисциплины и закрепления кадров в оборонной индустрии была вызвана сохранением хаотичной мобильности трудовых ресурсов. Вместе с тем, с позиции историков-«тоталитаристов», массовые принудительные меры компенсировали полную неэффективность системы материального вознаграждения производственного персонала.

Последователи концепции Ч. и К. Тилли (К.П. Прибыткова) сфокусировали внимание на комплексном анализе государственной политики в области стимулирования труда в советской промышленности в 1940–1980-е гг. Реконструкция этой политики осуществлялась ими на примере трех машиностроительных предприятий Алтайского края с учетом всероссийского исторического контекста. В частности, период Великой Отечественной войны рассмотрен в первую очередь в связи с усилением принудительных стимулов. Принуждение представлено уголовной ответственностью за самовольное оставление производства; централизованным распределением рабочей силы; штрафными санкциями за выпуск бракованной продукции; ежегодными централизованными переосмотрами норм выработки в сторону их ужесточения; судебным наказанием за прогул без уважительной причины. Кроме того, в индустрии действовал идеологически обоснованный принцип «оплаты по труду», реализованный с помощью дифференцированной системы натурального вознаграждения и распространения сдельной формы заработной платы. В целом система трудовой мотивации, действовавшая в военное время, характеризовалась как нефункциональная, поскольку в условиях высокой текучести кадров руководители подразделений покрывали нарушителей дисциплины и завышали показатели выработки с целью выплаты рабочим более высокой заработной платы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце 1980-х – 2010-х гг. отечественная историография прошла путь от героико-эпической интерпретации трудового подвига советского народа-победителя к формированию трех объяснительных моделей стимулирования работников в военные годы, соответствующих конфликтующим трендам общественного сознания в современной России. С точки зрения «тоталитарного» и «трехфакторного» подходов, референтных дискурсу «антисоветизма», данное явление изучалось как один из результатов политики советского государства. В контексте истории ментальностей, релевантной дискурсу «неосоветизма», отношение к труду в 1941–1945 гг. анализировалось в качестве продукта массового общественного сознания. Таким образом, анализ историографической ситуации подтверждает авторский тезис о смысловом разломе исторической памяти, присущем не только российскому социуму в целом, но и научно-историческому сообществу в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Советский тыл в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. М., 1988–1990.
2. *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990. 262 с.
3. *Савушкин Л.М.* Идеология советского тыла: проблемы и противоречия. 1941–1945 гг. (Опыт деятельности партийных организаций тыловых районов РСФСР). Воронеж, 1990. 191 с.
4. *Кантор Л.М.* Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991. 95 с.
5. *Хлевнюк О.В.* 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 87–96.
6. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны: мат-лы «круглого стола» // Воен.-ист. журн. 1991. № 1. С. 14–24.
7. *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Оборона: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 53–65.
8. *Данилов В.Н.* Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов: Изд-во Поволж. фил. Рос. учеб. центра, 1996. 391 с.
9. *Поляков Ю.А.* Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 62–76.
10. *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. 138 с.
11. *Данилов В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. 400 с.
12. *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. 277 с.
13. *Козлов Н.Д.* С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002. 312 с.
14. *Адриенко М.В.* Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. 27 с.
15. *Соколов А.К.* Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: ежегодник. 2003. М., 2004. С. 74–99.
16. *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56.
17. *Сомов В.А.* Трудовое законодательство и мотивация труда в годы Великой Отечественной войны // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8, № 2. С. 163–174.
18. *Сомов В.А.* Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны. Нижний Новгород, 2008. 234 с.
19. *Сомов В.А.* Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015. 176 с.
20. *Папков С.А.* Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.
21. *Прибыткова К.П.* Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940-е – 1980-е гг. Барнаул, 2019. 283 с.

REFERENCES

1. The Soviet rear during the Great Patriotic War: in 3 vols. Moscow, 1988–1990.
2. *Zagvozdkin G. G.* The Victory price. Social policy of the war years. Kirov, 1990, 262 p. (In Russ.)
3. *Savushkin L. M.* The Soviet rear ideology: problems and contradictions. 1941–1945. (Experience in the party organizations' activities in the RSFSR rear territories). Voronezh, 1990, 191 p. (In Russ.)
4. *Kantor L. M.* The USSR industry during the Great Patriotic War. Saint Petersburg, 1991, 95 p. (In Russ.)
5. *Khlevnyuk O. V.* June 26, 1940: illusions and realities of administration. *Kommunist*, 1989, no. 9, pp. 87–96. (In Russ.)
6. Gulag during the Great Patriotic War: the round table materials. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*, 1991, no. 1, pp. 14–24. (In Russ.)
7. *Knysheskiy P. N.* State Defense Committee: labor mobilization methods. *Voprosy istorii*, 1994, no. 2, pp. 53–65. (In Russ.)
8. *Danilov V. N.* War and power: regional extraordinary organs in Russia during the Great Patriotic War. Saratov: Volga Publ. House., 1996, 391 p. (In Russ.)
9. *Polyakov Yu. A.* Why did we win? On the mass consciousness during the war. *Svobodnaya mysl'*, 1994, no. 11, pp. 62–76. (In Russ.)
10. *Kozlov N. D.* Public consciousness during the World War II. Saint Petersburg, 1995, 138 p. (In Russ.)
11. *Danilov V. N.* The Soviet state in the Great Patriotic War: the phenomenon of extraordinary authorities in 1941–1945. Saratov, 2002, 400 p. (In Russ.)
12. *Zima V. F.* The mentality of the peoples of Russia in the war of 1941–1945. Moscow, 2000, 267 p. (In Russ.)
13. *Kozlov N. D.* With the will to Victory. Propaganda and everyday consciousness during the World War II. Saint Petersburg, 2002, 312 p. (In Russ.)
14. *Adrienko M. V.* The population of Stavropol Territory during the Great Patriotic War: an assessment of behavioral motives: diss. abstr. Pyatigorsk, 2005, 27 p. (In Russ.)
15. *Sokolov A. K.* Forced labor in Soviet industry and its crisis (late 1930s - mid 1950s). *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2003.* Moscow, 2004, pp. 74–99. (In Russ.)
16. *Togoeva S. I.* Factors influencing the labor motivation (based on materials of Tver Carriage Works in 1941–1951). *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie.* Moscow, 2002, iss. 8, pp. 39–56. (In Russ.)
17. *Somov V. A.* Labor legislation and labor motivation during the Great Patriotic War. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2007, vol. 8, no. 2, pp. 163–174. (In Russ.)
18. *Somov V. A.* Because there was a war ...: Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War. Nizhniy Novgorod, 2008, 234 p. (In Russ.)
19. *Somov V. A.* The first Soviet generation: testing by war. Moscow, 2015, 176 p. (In Russ.)
20. *Papkov S. A.* Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia. Moscow, 2012, 440 p. (In Russ.)
21. *Pribytkova K. P.* Labor motivation in Altai Territory industry in the 1940s – 1980s. Barnaul, 2019, 283 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.09.2020

Дата рецензирования 06.09.2020

Статья принята к публикации 21.09.2020